

Глава 21

— Цзинчжэ, Цзинчжэ, ты о чём задумался?

Гушэн легонько подтолкнул его, с любопытством разглядывая.

Сегодня во время уборки он уже несколько раз ловил Цзинчжэ на том, что тот витает в облаках, а сейчас он и вовсе едва не свалился в пруд с лотосами. Хорошо, что Гушэн успел его подхватить.

Недавно в этом пруду утонул человек.

Многие считали это место нечистым и даже во время уборки старались обходить его стороной. Поэтому Цзинчжэ и Гушэну поручили этот участок. Вместе с ними работали Юнькуй и ещё один евнух, Хуэйпин.

По мнению Гушэна, Цзинчжэ в последнее время не везло.

Казалось бы, он приглянулся госпоже Хуан, прослужил при ней почти полмесяца, и вот-вот должен был взлететь по карьерной лестнице, стать евнухом во дворце Чжунцуй, получить третий, а то и второй ранг.

Это было бы куда лучше, чем прозябать в Управлении по надзору за дворцовыми залами, ожидая аттестации в конце года.

Аттестацию ещё неизвестно, пройдёшь ли. Ему самому уже девятнадцать!

Что уж говорить о Цзинчжэ, которому исполнилось двадцать — это был его последний шанс. Перейди он во дворец Чжунцуй, и обо всех этих проблемах можно было бы забыть.

Но в самый решающий момент Цзинчжэ слёг с болезнью на несколько дней, даже на переключку явиться не смог, и в итоге упустил свою удачу.

Даже Гушэн, который поначалу немного завидовал Цзинчжэ, теперь сочувствовал ему. Вспомнив, как его собственные таланты годами оставались незамеченными, он успокоился и стал относиться к вернувшемуся Цзинчжэ вполне дружелюбно.

Наверное, из-за этого удара Цзинчжэ в последние дни и был таким рассеянным.

Это было понятно.

Но почему он иногда, подметая, вдруг начинал странно посмеиваться?

Вот это было действительно загадочно!

Неужели он от горя повредился в уме?

Цзинчжэ кашлянул и, крепче сжимая древко метлы, покачал головой.

— Последние несколько дней выдались тяжёлыми. Спасибо тебе, Гушэн, за поддержку. Я постараюсь поскорее взять себя в руки, чтобы не доставлять тебе хлопот.

Гушэн весело рассмеялся:

— Какая поддержка? Пару раз окликнул, и это уже помощь? Вот если бы ты, как Юнькуй, только и делал, что указывал другим, тогда да, было бы за что благодарить.

Юнькуй, услышав издалека упрёк в свой адрес, недовольно крикнул:

— Эй, Гушэн, когда это я просил вас о помощи и не платил?

— Да-да, ваше великодушие не знает границ, простите этого ничтожного, — со смехом поклонился Гушэн.

Юнькуй был парнем простым и прямолинейным, высоким и крепким, порой неуклюжим, но не злым и сговорчивым, иначе его бы не отправили убирать у пруда с лотосами.

Говорили, он ученик одного из начальников, и аттестация для него — пустая формальность. Иногда, желая отлынить от работы, он просил других подменить его.

Он не скупился и никогда не заставлял работать даром. Поэтому те, кто зарабатывал на этом, не болтали лишнего и поддерживали с Юнькуем приятельские отношения.

Наконец, убрав свою территорию, они собрали инвентарь и пошли обратно.

Небо было туманным, рассвет только занимался, и вокруг не было ни души.

Юнькуй хлопнул Цзинчжэ по плечу и с любопытством спросил:

— Говорили, ты болел. С виду и не скажешь, но, наверное, мучился сильно? Мне показалось, у тебя губа разбита?

Цзинчжэ замер, сердце его ёкнуло, но на лице он не показал и тени волнения.

Он бессознательно коснулся следа у уголка рта и вздохнул:

— Да, сам себе прокусил. Болело ужасно.

Перед тем как «сбежать» от Жун Цзю, тот сунул ему нефритовую бутылочку.

Благодаря мази следы от пальцев на шее Цзинчжэ быстро сошли, но ранка на губе всё ещё была заметна.

Гушэн цокнул языком:

— Вот же не повезло.

— Что ж, видно, не судьба, — сказал Цзинчжэ. — Впредь буду полагаться только на себя, а не мечтать о лёгком пути.

Гушэн невольно вспомнил их общего друга Чаншоу и кивнул. Ну и что с того, что он покинул Северные покои и перешёл во дворец Чэнхуань?

Всё равно в мгновение ока погиб.

Чаншоу был мёртв.

Об этом Цзинчжэ, вернувшись, узнал от Минъюя.

После того как Жун Цзю увёл его, Цзинчжэ не знал, где находится. Но когда действие «баффа» закончилось, Жун Цзю вывел его наружу.

Он растерянно следовал за ним по запутанным переходам, пока наконец не оказался в знакомой части дворца.

Личность Жун Цзю была куда более загадочной, чем Цзинчжэ мог себе представить.

Увидев знакомые места, он хотел было сбежать, но Жун Цзю длинной рукой притянул его к себе, прижав так крепко, что между ними не осталось и зазора.

Тело Цзинчжэ напряглось. Он уловил лёгкий аромат лекарств, исходивший от Жун Цзю.

Запах шёл от его пальцев.

Он втирал мазь в кожу Цзинчжэ, и аромат так впитался, что ощущался даже после мытья.

— Хочешь сбежать?

— Я... мне нужно как-то объяснить своё отсутствие... — пролепетал Цзинчжэ.

— Не нужно ничего объяснять, — ровно произнёс Жун Цзю. — Никто не будет расспрашивать тебя о причинах. Просто скажешь, что болел.

Цзинчжэ немного успокоился. По крайней мере, это не вызовет подозрений.

— Что до твоего ответа...

Жун Цзю произнёс это медленно, и Цзинчжэ снова напрягся, как зверёк, которого вот-вот съедят. Затылок его залился краской — смесью стыда, гнева и скованности.

— В следующий раз я хочу его услышать.

Жун Цзю не торопил.

Но его слова, словно тень, неотступно следовали за Цзинчжэ, не желая покидать его мысли.

Он шёл в Управление по надзору за дворцовыми залами, словно одурманенный, с затуманенным взглядом и странным румянцем на щеках.

Жун Цзю... хотел, чтобы он стал его возлюбленным.

Стоило Цзинчжэ закрыть глаза, как перед ним снова возникал образ Жун Цзю и звучали его слова. Уши горели, и даже зажав их руками, он не мог избавиться от этого наваждения.

Жун Цзю... он тоже его любит?

Цзинчжэ никогда не думал, что в тот самый момент, когда он осознает свою любовь к Жун Цзю, получит ответное признание.

Что же думал сам Цзинчжэ?

По крайней мере, он не собирался открывать свои чувства.

Для него любовь была тайной.

В его положении он не имел права любить кого-либо.

Будь то Жун Цзю или придворная дама, его статус был неподходящим. Это не только навлекло бы беду на другого, но и погубило бы его самого.

Дворцовые правила это запрещали.

Пропасть между ним и Жун Цзю тоже это запрещала.

Цзинчжэ видел, что Жун Цзю, хоть и скрывал своё происхождение, несомненно, был из знатной семьи. Даже когда они ели вместе, и Жун Цзю почти не говорил, каждое его движение было исполнено врождённой грации.

Это было у него в крови, и кем бы он ни стал, этого изящества было не отнять.

Рядом с ним Цзинчжэ, без сомнения, чувствовал себя неполноценным.

Даже если бы он согласился, их союз не мог быть долгим.

И разум, и реальность твердили ему об этом.

Он должен был отказать Жун Цзю.

Отказать в тот самый момент, как услышал его слова.

Так он должен был поступить.

Но, услышав признание, Цзинчжэ ощутил лишь безграничную радость.

Он был так счастлив, что у него дрожали пальцы.

Он хотел ответить, и потому прикусил губу.

Слова отказа застряли в горле.

Скрывать любовь не так-то просто.

Ещё до того, как Цзинчжэ это осознал, его безграничная симпатия уже беззвучно перетекла к Жун Цзю через его слова и поступки.

Ему нравилось лицо Жун Цзю, его скверный характер, он был готов мириться даже с его необузданной жестокостью.

Он не мог сказать «нет».

Единственное, что радовало, — Жун Цзю не требовал ответа немедленно. Иначе Цзинчжэ не знал, что бы сорвалось с его губ.

С этой тайной, радостной мыслью он отправился в Управление, получил официальное назначение и поспешил обратно в Северные покои.

Войдя, он увидел Цитую и Баци с покрасневшими глазами. Дальше, в глубине двора, Миньюй тоже выглядел подавленным.

Цзинчжэ подавил рвущуюся наружу радость, чтобы не выглядеть неуместно.

— Миньюй, что случилось?

Миньюй, обрадовавшись его возвращению, потащил его в комнату.

По пути он тихо сказал:

— Чаншоу больше нет.

Сердце Цзинчжэ ухнуло вниз.

Значит, Чаншоу не спасли.

Из всех слуг дворца Чэнхуань выжили лишь двое: старшая служанка при Бинь Сюй по имени Ся Хэ и, кажется, ещё одна служанка второго ранга. Остальных в живых не осталось.

Сама наложница Сюй до сих пор боялась возвращаться в свои покои и жила во дворце Шоукан.

Миньюй поговорил с Цзинчжэ и постарался приободриться.

Смерть Чаншоу огорчала, но это была скорее жалость к своей доле — Миньюй не слишком-то любил покойного.

— Не будем о нём. Ты знаешь, в гареме снова переполох?

Говоря это, Миньюй быстро вернул Цзинчжэ вещи, которые тот оставил ему на хранение.

Он сохранил их в целости, никто ничего не нашёл.

Цзинчжэ горячо поблагодарил его, чуть не сбив с ног, убрал вещи и спросил:

— Что случилось?

Новость, должно быть, серьёзная, раз так быстро дошла до Северных покоев.

Миньюй ответил:

— Та госпожа Хуан, которой ты служил, теперь Гуйфэй во дворце Чжунцуй. Её ранг выше, чем у Фэй Дэ. Говорят, она очень любит Его Величество. Последние несколько дней император нездоров, даже утренние приёмы отменил. А Гуйфэй принесла ему собственноручно приготовленную еду и ждала у ворот дворца Цяньмин целых полчаса.

— Как быстро разлетелась новость, — заметил Цзинчжэ.

Утреннее событие, а уже известно в Северных покоях.

— Естественно, — подмигнул Миньюй, его и без того маленькие глаза совсем сузились. — Раньше, по крайней мере, слуг внутрь пускали. Только тех, кого император ненавидел, так унижали.

Никто не ожидал, что Гуйфэй даже еду передать не позволят.

Цзинчжэ, вспомнив слова Жун Цзю, опустил глаза.

— Возможно, Его Величеству она и раньше была не по нраву.

Он коснулся спрятанных за пазухой вещей.

Если Вдовствующая императрица действительно убила Цышэн, то та, что живёт во дворце Шоукан, — враг Цзиньюаня. А большинство девушек в гареме были отобраны ею лично.

Остальные — подношения от чиновников.

Возможно, с самого начала Цзинъюаню никто не был по душе.

Более того, он их ненавидел.

Кто станет любить своего врага и то, что прошло через руки врага?

Цзинчжэ пробыл в Северных покоях недолго. Поговорив с Минъюем и повидавшись с Чэнь Миндэ, он поспешил в Управление.

Ему хотелось поскорее изучить вещи, связанные с Цайжэнь Яо.

Но времени было мало.

Впрочем, он успел пробежать глазами самое главное — письмо.

Среди разрозненных вещей сверху лежало письмо, написанное, по-видимому, рукой Цайжэнь Яо.

По крайней мере, почерк был точь-в-точь как на вышивке внутри мешочка.

Прочитав письмо, Цзинчжэ узнал истинную причину её смерти.

В те годы, после рождения Цзинъюаня, Вдовствующая императрица Цышэн впала в глубокую тоску, временами у неё случались припадки, ввергавшие весь дворец в хаос.

Позже она стала принимать лекарства, прописанные придворным лекарем, и большую часть времени спала, что принесло некоторое спокойствие.

Покойный император, боясь огорчить Цышэн, специально приставил к ней для ухода Цайжэнь Яо. Та действительно состояла с Цышэн в дальнем, запутанном родстве.

Так Цайжэнь Яо стала часто бывать рядом с Цышэн.

Она была молчалива и незаметна.

Поэтому на неё часто не обращали внимания.

Слишком привычные и обыденные люди становятся похожи на предметы обстановки. Возникает обманчивое чувство, что они не умеют ни говорить, ни кричать.

Именно благодаря этому Цайжэнь Яо и узнала, что в лекарство, которое Цышэн принимала каждый день, подмешивали смертельный яд.

Яд, который она, Цайжэнь Яо, собственноручно, ложку за ложкой, вливала в неё.

Подслушав разговор того лекаря, Цайжэнь Яо едва устояла на ногах. Она и представить не могла, что стала соучастницей убийства своей кузины!

А за всем этим стояла та, что жила во дворце Шоукан.

Она приложила много усилий и перенесла немало страданий, чтобы собрать доказательства.

Но когда ей это наконец удалось, и она захотела всё рассказать покойному императору, было уже слишком поздно.

Цышэн умерла, и покойный император был в ярости.

Цайжэнь Яо не смогла даже увидеться с ним и была сослана в Северные покои. К счастью, в то время она была дружна с одним молодым евнухом из аптеки, который и помог ей сохранить доказательства.

Этим евнухом был Чэнь Ань.

Чэнь Ань начинал в Управлении по надзору за дворцовыми залами, затем перешёл в Императорскую аптеку. После смерти Цышэн он тоже попал под подозрение и был переведён в другое место. Лишь спустя годы он смог снова подняться и стать главным евнухом.

Его путь был полон взлётов и падений.

Чэнь Ань был человеком чести. Когда-то Цайжэнь Яо, ухаживая за Цышэн, часто бывала в аптеке и, видя его жалкое положение, несколько раз ему помогла.

Эту случайную доброту Чэнь Ань помнил всегда.

Он не только с риском для жизни сохранил доказательства, но и перед смертью покойного императора сумел добиться для Цайжэнь Яо аудиенции.

Читая это, Цзинчжэ был ошеломлён.

Когда Чэнь Ань был жив, он навещал его раз в год. Чаще не смел, боясь навлечь на него беду.

Но он всегда был ему благодарен.

Чэнь Ань в письме Цайжэнь Яо был таким же, каким его знал Цзинчжэ, но его жизнь оказалась ещё более опасной.

Судя по тому, что Цзинъюань взошёл на трон, а принц Жуй остался не у дел, их замысел... удался? Просто к тому времени покойный император был уже слишком слаб, чтобы наказать свою императрицу, но, по крайней мере, он не оставил указа о престолонаследии.

А без указа, по всем законам, и по старшинству, и по праву, девятый принц имел куда больше шансов, чем тринадцатый.

Даже при том, что он держался в тени.

Но если Вдовствующая императрица знала о роли Цайжэнь Яо, как она могла оставить её в живых?

...Возможно, даже смерть Чэнь Аня была с этим связана.

Чэнь Ань всегда был здоров, как он мог так внезапно умереть от скоротечной болезни?

При этой мысли Цзинчжэ нахмурился ещё сильнее.

Даже если родители запретили ему мстить, находясь в эпицентре событий и зная всё больше... как он мог спокойно смотреть на то, что враг живёт и здравствует?

Чэнь Ань из-за нескольких добрых дел Цайжэнь Яо пошёл на такой огромный риск. А какие же отношения были у него с отцом Цзинчжэ, чтобы он не только скрыл его личность, но и избавил от необходимости проходить процедуру оскопления?

Цзинчжэ ещё сильнее захотелось изучить остальные вещи. Он быстро проверил: кроме письма, там был ещё небольшой мешочек и какие-то обрывки, назначение которых было пока неясно.

Всё это он снова отдал Минъюю.

Носить с собой было опасно, а хранить у себя... он подолгу отсутствовал в Северных покоях. Надёжнее было оставить у Минъюя.

Именно из-за признания Жун Цзю и письма Цайжэнь Яо Цзинчжэ последние несколько дней

был таким рассеянным.

В тот день Цзинчжэ, Гушэн и другие получали инвентарь в Управлении.

Гушэн огляделся и, не увидев Юнькуя, проворчал себе под нос. Что это с ним в последнее время?

Всё чаще и чаще куда-то пропадает.

Даже начальство уже заметило.

К ним подбежал евнух по имени Шиэнь и с улыбкой сказал:

— Юнькуй попросил меня подменить его на полдня.

— И сколько он тебе заплатил? — с любопытством спросил Хуэйпин.

Шиэнь, усмехаясь, показал на пальцах. Гушэн ахнул и завистливо протянул:

— Почему он не попросил кого-нибудь из нас? Я бы и за него поработал.

Зачем отдавать деньги чужим?

По дороге к пруду Шиэнь и Гушэн дурачились и толкались. Гушэн специально посмотрел на Цзинчжэ и, убедившись, что тот снова спокоен и не витает в облаках, успокоился.

Однообразная, тяжёлая работа утомляет.

А от скуки тянет поболтать.

Шиэнь был весёлым парнем, чем-то похожим на Чаншоу, но с более лёгким характером. Он тихонько рассказывал последние дворцовые сплетни.

Говорить громко они не смели — это могло стоить им жизни.

Говорили, что Гуйфэй уже семь или восемь дней подряд приходит ко дворцу Цяньмин, но каждый раз ей отказывают в аудиенции. Однако она не сдаётся и продолжает приходить.

Шиэнь как раз восхищался её преданностью.

Гушэн ткнул его локтем в бок:

— С ума сошёл? Такие вещи говорить! Не впутывай нас в неприятности.

Шиэнь тут же прикрыл рот рукой, огляделся и с облегчением выдохнул.

Где это видано, чтобы простые евнухи обсуждали наложниц, да ещё и драгоценную супругу? В уединённом месте ещё ладно, но у пруда в любой момент мог кто-нибудь появиться.

К счастью, уборщики всегда вставали раньше других.

Сейчас здесь было безлюдно.

Этот инцидент заставил их замолчать, и они, ускорившись, принялись за работу.

Цзинчжэ, склонившись над метлой, вдруг насторожился.

— Кто-то идёт, — тихо сказал он.

Гушэн встревожился и, оттащив его в сторону, быстро прошептал:

— Если во время уборки встретишь знатную госпожу, не смотри на неё, встань на колени у обочины и жди, пока она не пройдёт.

Это были правила Управления, да и всего дворца.

Но Гушэн знал, что Цзинчжэ долгое время провёл в Северных покоях и мог не знать всех тонкостей, поэтому решил напомнить.

Цзинчжэ кивнул, и они все опустились на колени.

Вскоре из-за поворота показалась процессия.

Тихий шорох шагов приближался медленно, словно кто-то неспешно прогуливался. Подойдя ближе, можно было расслышать обрывки разговора.

— ...Сейчас... рано...

— Осторожнее.

— Здесь красиво.

— Ваше высочество, этот пруд...

Слух у Цзинчжэ всегда был отменным. Услышав, что это Гуйфэй, он слегка нахмурился.

Когда он служил у Хуан Ицзе, она не доставляла ему особых хлопот.

Она не была из тех, кто придирается к слугам. Но он помнил, что она — человек Вдовствующей императрицы.

Шаги приблизились, и все четверо поклонились, опустив головы.

Процессия уже почти прошла мимо, но Хуан Ицзе вдруг остановилась и с удивлением произнесла:

— Это ты.

Цзинчжэ замер. Она остановилась прямо перед ним.

Притвориться, что он не расслышал, было нельзя. Он медленно поднял голову.

Хуан Ицзе оглядела его и улыбнулась.

— В тот день ты сказал, что возвращаешься в Управление. Я беспокоилась и послала узнать о тебе, но мне сказали, что ты заболел. Рада видеть, что ты здоров.

Даже став Гуйфэй, Хуан Ицзе говорила мягко и ласково.

— Благодарю за заботу, ваше высочество. Слуга уже здоров.

— Вот и хорошо.

Она не стала больше ничего говорить, словно просто случайно встретила знакомого, и, опираясь на руку служанки, неспешно пошла дальше.

Её сопровождали четыре или пять слуг — куда больше, чем у других наложниц.

— Юйши, при случае разузнай ещё, — приказала Хуан Ицзе своей служанке, когда они отошли подальше. — Я хочу знать, почему Вдовствующая императрица так интересуется Цзинчжэ.

— Слушаюсь, — ответила служанка.

Цзинчжэ ей нравился.

Красивый, расторопный, сообразительный.

Такой человек был бы хорошим подчинённым. Жаль только, что изначально она обратила на него внимание лишь из-за Вдовствующей императрицы.

— Ваше высочество, к Его Величеству сегодня пойдём? — спросила Юйши.

— Пойдём, — спокойно ответила Хуан Ицзе.

Нынешнее холодное отношение её не волновало. Всё это было лишь для того, чтобы угодить Вдовствующей императрице.

Внешность Цзинъюаня превзошла все её ожидания. Он ей действительно нравился, но использовать его для достижения своих целей она тоже собиралась.

Вдовствующая императрица не для того проделала весь этот путь, чтобы привезти её в столицу, дать фамилию Хуан и сделать Гуйфэй, чтобы она боролась за его благосклонность.

Хуан Ицзе опустила глаза, сцепив тонкие белые пальцы.

Вдовствующая императрица прислала её, чтобы лишить его жизни.

— Ах ты, Цзинчжэ!

Гушэн повис у него на спине, едва не задушив.

— Я к тебе со всей душой, а ты меня обманываешь!

С Гушэном на спине и Шиэнем, который с любопытством тянул его за рукав спереди, Цзинчжэ умоляюще посмотрел на Хуэйпина.

Тот лишь улыбнулся и тихо сказал:

— Мне тоже интересно, почему ты не захотел пойти.

То, что произошло тогда во дворце Сюсю, осталось тайной. Благодаря «баффу», никто, если его специально не расспрашивать, не вспомнит подробностей и подсознательно будет хранить секрет Цзинчжэ.

Поэтому никто и не знал, что он упустил место во дворце Чжунцуй не из-за болезни, а потому что сам отказался.

— Я человек простой, — с кривой улыбкой сказал Цзинчжэ. — Раньше я тоже думал о богатстве и славе. Но то, что случилось во дворце Чэнхуань, меня очень напугало.

Гушэн замолчал и слез с его спины.

— Ты так упускаешь свой шанс, — сказал он, ткнув пальцем. — Все хотят подняться. А наша жизнь, жизнь простых евнухов, разве не дешевле, чем у тех слуг?

Он сочувствовал Чаншоу и понимал, как хрупка их жизнь.

Но те, по крайней-мере, погибли от гнева Цзинъюаня. А их, мелких слуг, мог погубить единственный начальник, и они бы никогда не выбились в люди.

Чем ниже ранг, тем ничтожнее жизнь.

Цзинчжэ вздохнул. Он знал, что Гушэн прав.

Гушэн хотел было продолжить, но Шиэнь остановил его.

— Давайте быстрее, а то не успеем закончить.

Гушэну пришлось замолчать.

На обратном пути Цзинчжэ попросил их никому не рассказывать, чтобы избежать лишних хлопот.

Даже самый большой сплетник Шиэнь, ударив себя в грудь, пообещал молчать.

Гушэн усмехнулся:

— Вот и отлично, что Шиэнь здесь. Цзинчжэ, если новость просочится, можешь быть уверен — это его длинный язык.

Шиэнь стукнул Гушэна по затылку, и они, ругаясь, пошли дальше.

Цзинчжэ каждый день возвращался в Северные покои по привычной, уединённой тропинке. Он знал её так хорошо, что мог бы пройти с закрытыми глазами.

В тот вечер он неспешно шёл, размышляя о том, что нужно досконально изучить оставшиеся вещи, как вдруг услышал странный, влажный, шуршащий звук.

Он замер, вспомнив слова Ую о том, что в тёмных уголках дворца можно встретить призраков.

Но он их не боялся.

Люди порой страшнее любых призраков.

Он решил не останавливаться и не смотреть, кто там — человек или призрак. Но тот, кем бы он ни был, уже закончил своё дело и, удовлетворённо потянув за собой второго, вышел из кустов прямо на него.

Цзинчжэ застыл.

Юнькуй тоже.

Цзинчжэ инстинктивно посмотрел за спину Юнькуя, где угадывалась фигура служанки. Юнькуй среагировал быстрее и, заслонив её своим мощным телом, надёжно спрятал от посторонних глаз.

— ...Я ничего не видел. Я ухожу, — пробормотал Цзинчжэ.

Он наконец понял, что это был за звук.

Поцелуй.

Вот же угораздило. Застать Юнькуя со служанкой. Теперь понятно, почему он так часто пропадает.

— Стой, подожди, — поспешно окликнул его Юнькуй. — Я её провожу, а ты жди здесь.

Было уже темно. Юнькуй, окликнув Цзинчжэ, намеренно не назвал ни его имени, ни имени служанки, пытаясь защитить обоих.

Дворцовые правила строго запрещали любовные связи между евнухами и служанками.

Хоть официальными женщинами императора считались только наложницы, все служанки до двадцати пяти лет, пока их не отпускали из дворца, также считались его собственностью.

Посягнуть на женщину императора для евнуха означало верную смерть!

А тот, кто знал и не донёс, считался соучастником.

Цзинчжэ очень хотел уйти.

Но он понимал, чего боится Юнькуй, и ему пришлось остаться.

Юнькуй, пряча служанку, проводил её и, вернувшись, хотел было что-то сказать, но Цзинчжэ опередил его:

— Я не разглядел её лица.

Даже если он донесёт, он не сможет сказать, кто это был.

Цзинчжэ надеялся, что Юнькуй поймёт намёк.

И тот понял.

Он неловко потёр руки и тихо спросил:

— Тогда, и остальным ты тоже...

— Я ничего не скажу, — прямо ответил Цзинчжэ. — Пока вы не впутаете меня в неприятности, я никому не расскажу о вас.

Юнькуй с облегчением выдохнул.

Он недолго знал Цзинчжэ, но чувствовал, что тот, если уж пообещал, то сдержит слово.

Цзинчжэ собрался было уйти, но, подумав, остановился.

— Но тебе всё же стоит быть осторожнее. Ты слишком часто просишь других подменить тебя. Я слышал, начальники уже говорят об этом.

Если кто-то захочет докопаться, то сможет.

Юнькуй горько усмехнулся.

— Она скоро уходит.

Уходит?

Куда?

Цзинчжэ замер, а потом вспомнил, что служанок держат во дворце только до двадцати пяти лет. Если они не становятся наложницами или придворными дамами, их отпускают.

Служанке, с которой встречался Юнькуй, уже исполнилось двадцать пять.

Цзинчжэ замолчал, не зная, что сказать.

А Юнькуй, то ли оттого, что долго держал всё в себе, то ли от душевной муки, вдруг начал рассказывать Цзинчжэ их историю.

Цзинчжэ хотелось убежать. Он не хотел этого слышать!

Юнькуй и та служанка познакомились случайно несколько лет назад.

Ему повезло: сразу по прибытии во дворец он нашёл себе наставника, а потом благополучно попал в Управление. Хоть работа и была тяжёлой, но под покровительством наставника он мог рассчитывать на повышение.

Они познакомились случайно, и так начались их отношения.

Хоть он и не был полноценным мужчиной, это не означало, что у него не было сердца. А служанка, томимая одиночеством, соблазнила его. Оба получали то, что хотели, и поначалу о чувствах речи не шло. Иногда Юнькуй давал ей немного денег.

Неизвестно, когда всё изменилось.

Юнькуй понял, что по-настоящему влюбился. Когда его наставник узнал об их связи и потребовал всё прекратить, Юнькуй упорно сопротивлялся. Но оказалось, что главной проблемой был не наставник, а то, что служанке пришло время покинуть дворец.

Служанки могли уйти.

А евнухи — нет.

Лишь немногие доживали до старости и получали свободу.

И то, только те, кто достигал высокого положения.

А высокопоставленные евнухи, в случае опалы, тоже лишались жизни.

Счастливых были единицы.

Лицо Юнькуя было печальным и растерянным.

— «Неожиданно»? Это невозможно. Все знают, что служанок отпускают. За те годы, что вы были вместе, ты не то чтобы не думал об этом, ты просто не хотел думать, — сказал Цзинчжэ.

— ...Ты прав. Это была просто жадность. Хотелось удержать в руках хоть что-то.

Даже рискуя быть пойманным, он продолжал с ней встречаться.

Цзинчжэ, слушая историю Юнькуя, невольно думал о себе и Жун Цзю.

Последнее время тот не появлялся.

Но Цзинчжэ постоянно о нём думал.

Думал, что ответить.

Он хотел отказать.

Не потому, что не любил. Но если что-то случится, то он-то ладно, а вот Жун Цзю...

Он выжил до сих пор лишь благодаря своей осторожности.

Не будь он так осмотрителен, как бы он сохранил свою тайну?

Но он не мог смириться.

Цзинчжэ закрыл глаза.

Если бы он мог, то отказал бы Жун Цзю сразу же.

Но он не смог. Значит, не смирился.

Он никогда не думал, что полюбит кого-то. Мужчину или женщину — всё это было туманным, неопределённым.

Но появился Жун Цзю, и больше никого не стало.

Только он.

Он любил Жун Цзю.

Хотел быть с ним.

Это чувство возникло само собой.

Цзинчжэ не мог его подавить.

Как же нужно стараться, чтобы скрыть свою любовь и произнести холодные слова отказа?

Может, кто-то и смог бы.

Но не Цзинчжэ.

И сейчас, слушая рассказ Юнькуя, он видел своё собственное трагическое будущее.

Он, как и Юнькуй, был навсегда заперт в этом дворце.

А Жун Цзю, как и та служанка, мог уйти, когда захочет. Стоило ему отказаться от этих чувств, и он мог бы исчезнуть без следа, оставив Цзинчжэ одного.

Он не должен был рисковать.

Так говорил ему разум.

Но страдания Юнькуя, как ни странно, помогли Цзинчжэ прояснить свои мысли.

Какой бы выбор он ни сделал, конец будет плохим.

Так почему бы, пока этот конец не наступил, не выбрать тот путь, который оставит больше воспоминаний?

Он любит Жун Цзю.

И сейчас, кажется, Жун Цзю тоже его любит.

Так почему бы не ухватиться за этот миг счастья?

Он не хотел жалеть.

Цзинчжэ почувствовал, как с души упал камень. Осознав всю трагичность будущего, он улыбнулся.

Он с улыбкой похлопал Юнькуя по плечу и тихо сказал:

— Спасибо тебе.

Ты помог мне понять, что моё сердце всегда звало лишь одно имя.

Не переставая.

Волна любви всегда сметает доводы разума, увлекая за собой.

Вместо прежнего страха Цзинчжэ почувствовал, что с нетерпением ждёт появления Жун Цзю.

Ведь, Жун Цзю...

Я сделал свой выбор.

В поместье принца Жуя, в кабинете, собрались несколько советников.

У принца было несколько доверенных лиц. Например, Чэнь Сюаньмин, которого сначала приговорили к ссылке, но принц сумел подменить его и, изменив внешность и имя, вернуть в столицу. Или Ван Чжао, чью семью убил Цзинъюань, и выжил только он один. И другие...

Все они были храбры, умны и ненавидели Цзинъюаня.

И это было не случайно.

Принц Жуй специально подбирал таких людей.

Только ненависть к Цзинъюаню могла гарантировать их преданность. Борьба за трон — дело нелёгкое, и любая утечка информации, даже если принц Жуй немедленно поднимет восстание, лишит его преимущества.

Но обычно советники редко собирались все вместе.

Это могло привлечь внимание, а принц Жуй был осторожен.

Но на этот раз пришлось, и виной тому был Цзинъюань.

Вскоре советники дождались принца.

Но выглядел он ужасно.

Рука его была ранена и кровоточила, на шее виднелись две раны, явно нанесённые с целью убить. На груди ткань была вспорота, и если бы не отсутствие крови...

Но даже так, вид принца поверг советников в шок. Они вскочили на ноги.

— Ваше высочество, на вас напали?

Чэнь Сюаньмин нахмурился. Он немного разбирался в медицине и видел, что принц, похоже, потерял много крови.

Если бы не слуги и спешно прибывший лекарь, он бы сам бросился на помощь.

Принц Жуй махнул им рукой и достал из-за пазухи латный нагрудник.

В его глазах застыл ужас. Если бы не эти предосторожности, на этот раз ему бы не сдобровать!

Средь бела дня, по дороге в поместье, на него напали восемь человек.

У принца было немало тайных стражей, которые всегда его сопровождали.

Но почти все они погибли от рук убийц, и лишь один или двое остались защищать его.

Несколько раз он чувствовал дыхание смерти.

Если бы не столичный градоначальник, который вовремя подоспел с людьми, он бы точно погиб!

А убийцы, увидев подмогу, приняли яд, не оставив шанса себя схватить.

Узнав об этом, принц Жуй так разозлился, что у него задрожали пальцы.

— Ваше высочество, это, несомненно, дело рук Цзиньюаня.

— Неужели император сошёл с ума? Средь бела дня посылать людей убить вас! Неужели он не боится гнева чиновников?

— А у кого есть доказательства?

При этих словах все замолчали.

Они, конечно, подозревали императора.

Кто, кроме Цзиньюаня, мог быть таким безумным и безрассудным?

И у кого ещё была такая власть?

Но доказательств не было.

Все улики были мертвы.

А собрались советники в поместье принца Жуя тоже из-за Цзиньюаня.

Последние несколько лет принц Жуй незаметно укреплял свою власть.

И всё шло гладко.

Ведь до восшествия Цзинъюаня на трон он поддерживал тесные связи с чиновниками.

Лишь в последние годы ему пришлось действовать скрытно.

Но в последние дни его преследовали неудачи.

Двое чиновников скоропостижно скончались у себя дома по неизвестным причинам, один — и вовсе от любовных утех.

Группа ремесленников, отправленная на юг, бесследно исчезла, а весь конвой был убит.

Три лавки в столице ночью сгорели дотла вместе со всем товаром... и информацией.

И так далее, и тому подобное.

Всё это нанесло поместью принца Жуя немалый урон.

Советники сразу поняли, что это дело рук Цзинъюаня. Они и собрались в поместье, чтобы обсудить это.

Но никто не ожидал, что на самого принца будет совершено покушение!

Когда новость дошла до дворца, Вдовствующая императрица разнесла вдребезги половину дворца Шоукан.

Пол был усыпан осколками, слуги стояли на коленях, даже самые доверенные придворные дамы, превозмогая боль, опустили на колени прямо на осколки.

Бинь Сюй, бледная от страха, сидела на стуле.

Вдовствующая императрица, задыхаясь от гнева, с красными глазами, ударила по столу так, что сломала ноготь. Она скрежетала зубами, словно хотела съесть Цзинъюаня.

Появись он сейчас перед ней, она бы разорвала его на куски.

— Мерзавец, мерзавец, не надо было оставлять в живых этого ублюдка, — шипела она. — Он посмел поднять руку на моего сына!

Она смахнула со стола остатки чайного сервиза. Горячий чай пролился на ковёр.

Вдовствующая императрица закусила губу. Ну конечно, только такая сумасшедшая, как Цышэн, могла родить такого безумца, как Хэлянь Жун!

Жестокий, бессердечный, безжалостный!

Весь дворец Шоукан был почти разрушен, но это не могло унять её гнев.

На следующий день, на утреннем приёме, вид принца Жуя — с перевязанной шеей и рукой, едва передвигающегося с посторонней помощью — вызывал содрогание.

Один из цензоров выступил вперёд:

— Ваше Величество, принц Жуй так тяжело ранен. Может, позвольте ему говорить сидя?

Принц Жуй был жертвой, и Цзинъюань должен был проявить снисхождение.

Но сидевший на троне мужчина лишь лениво приподнял бровь. Его тёмные, как смоль, глаза уставились на цензора.

— Раз ты так говоришь, то сам и послужишь ему стулом.

Тут же вышли двое стражников.

Они быстро зажали цензору рот, достали откуда-то верёвки и, связав его, скрутили в некое подобие... сиденья.

Лицо принца Жуя исказилось.

Цзинъюань посмотрел на живой стул, а затем холодно — на принца Жуя.

— Принц Жуй, он так старался для тебя. Почему же ты не садишься?

— Ваше Величество, зачем так унижать человека? Цензор Сюй столько лет служил верой и правдой...

— Если он только служил, а пользы не приносил, то он — дармоед, — холодно прервал его Цзинъюань. — Деньги из казны уходят на содержание толпы бесполезных трутней!

Главный цензор Шэнь Цзыкунь кашлянул и громко произнёс:

— Ваше Величество, вопрос о цензоре Сюй можно обсудить позже. Сейчас важнее то, что вчера на принца Жуя было совершено покушение. Прошу вас не отвлекаться.

Шэнь Цзыкунь редко достаивался доброго слова от Цзинъюаня.

Но к его словам император, по крайней мере, прислушивался.

Чиновник, ответственный за расследование, побледнев, выступил вперёд и доложил о текущем положении дел.

Напавших на принца было восемь, все приняли яд.

При них не было ничего, что могло бы указать на их личность.

А расследование их прошлого показало, что до этого покушения они были обычными жителями столицы.

Самыми, самыми обычными.

Их портреты тут же опознали соседи, рассказав, кто они, откуда и где жили.

Но дальнейшее расследование не выявило ничего подозрительного.

Соседи — в порядке. Связи — в порядке.

Всё было в порядке.

Кроме того, что эти обычные люди вдруг, в один день, напали на принца Жуя.

И все они были первоклассными мастерами боевых искусств.

— Это невозможно! Если они были так искусны, как могло не остаться никаких следов?

— Да, овладеть таким мастерством нелегко.

— На это уходят годы. Как могли простые жители...

Да, как?

Принц Жуй, поддерживаемый слугами, медленно поднял глаза на Цзинъюаня.

Тот лениво слушал споры чиновников. Он всегда был таким — равнодушным, с холодным лицом, редко смотревшим вниз. Иногда казалось, что он спит с полуприкрытыми веками.

Но сейчас взгляд принца, кажется, привлёк его внимание.

Цзинъюань опустил голову и безошибочно поймал его взгляд.

Странное чувство вспыхнуло в тёмных глазах мужчины, в них забурлила вязкая злоба. На его поразительно красивом лице появилась высокомерная улыбка, не скрывавшая рвущуюся наружу яростную жажду убийства.

Принц Жуй невольно содрогнулся.

Цзинъюань был возбуждён.

Жестокость отражалась в его глазах, и этот яркий цвет лишь подчёркивал красоту его холодной, бледной кожи. Он ледяным взглядом смотрел на принца Жуя, и казалось, сама смерть стоит за его плечом.

Принц Жуй с трудом сглотнул... что происходит? В прошлой жизни Цзинъюань не был таким безумным.

Как бы он ни был своеволен, он должен был понимать последствия своих действий.

Но сейчас казалось, что он готов идти до конца!

Споры при дворе не могли решить проблему принца Жуя.

Император освободил его от утренних приёмов, велел отдыхать и для вида прислал лекарства.

По отношению Цзинъюаня чиновники поняли, что он не любит принца Жуя.

И эта нелюбовь, по сравнению с прежним пренебрежением, была особенно явной.

Эта перемена заставила задуматься не только принца Жуя, но и их самих.

Ведь многие из них были связаны с ним.

После приёма Цзинъюань сидел в паланкине с закрытыми глазами.

Нин Хунжу тихо и быстро докладывал:

— Вдовствующая императрица снова приглашала Гуйфэй во дворец Шоукан. Но на этот раз она была очень осторожна, никого из слуг при разговоре не было.

— М-м, — безразлично отозвался Цзинъюань.

Нин Хунжу замолчал.

По его мнению, перемены, произошедшие с Цзинъюанем за последние месяцы, были поразительны, но, если подумать, вполне объяснимы.

Только самые близкие слуги знали, что император никогда никого к себе не подпускал.

Ни раньше, ни после восшествия на престол.

Поступки покойного императора были отвратительны.

И всё, что с ними связано, стало запретным.

Не говоря уже о желаниях.

Вдовствующая императрица изо всех сил подсылала к нему женщин, а император превратил гарем в арену для гладиаторских боёв.

Когда ему было скучно, он посещал несколько дворцов, возвышал тех, кто ему приглянулся, а когда они ему надоедали — разбивал вдребезги.

Цзинъюань всегда был таким.

Понравившаяся... нет, даже не понравившаяся, а просто приглянувшаяся вещь могла навлечь на себя гибель.

Нин Хунжу благодарил небеса за то, что к тем, кто был ему полезен, Цзинъюань проявлял хоть какую-то сдержанность и подавлял свою жажду убийства.

А что до женщин в гареме... они были игрушками.

А что бывает с игрушками? Они ломаются, разбиваются.

Разве это не обычное дело?

Но Нин Хунжу никак не ожидал, что в этом гареме Цзинъюань найдёт игрушку по душе и даже начнёт играть в прятки.

И что эта игрушка, после стольких игр, до сих пор не сломалась.

Не просто не сломалась, а была жива и полна энергии.

Когда Нин Хунжу собирал сведения о Цзинчжэ, он не мог не удивляться: как один человек может привлекать к себе столько внимания, оказываться в центре стольких событий и до сих пор оставаться в живых?

Цзинъюань дорожил им.

Он был уже не просто игрушкой.

Под маской жестокости и безразличия у Цзинъюаня появилась сдержанность. Пусть эта маска и была вся в трещинах и готова была рассыпаться в любой момент, но, по крайней мере, он не давал волю своим желаниям.

И Цзинчжэ... был жив и здоров.

Вернувшись во дворец Цяньмин, Цзинъюань бросил:

— Не следуйте за мной.

Нин Хунжу остановился у входа и посмотрел на ясное, голубое небо, залитое ярким солнечным светом.

Он знал, куда пойдёт император.

И знал, почему он напал на принца Жуя.

Бить змею нужно по самому уязвимому месту. А для Вдовствующей императрицы не было ничего дороже жизни принца Жуя.

Зачем было трогать любимую «игрушку» Цзинъюаня?

Все сведения о передвижениях Цзинчжэ немедленно поступали во дворец Цяньмин. Жун Цзю знал их наизусть.

Итак, здесь направо, три шага.

Потом ещё два.

Это место, где Цзинчжэ бывал после работы.

Уголок, принадлежавший Управлению, но безлюдный.

Тайное место, о котором ему рассказал Юнькуй.

Сегодня, как и всегда.

Он сидел под деревом и медленно грыз лепёшку.

Странно, — моргнув, пробормотал Цзинчжэ. — Неужели я так сильно его люблю?

До такой степени, что начались галлюцинации?

Как он мог увидеть здесь Жун Цзю?

Поразительно красивое, холодное, бледное лицо, высокое, сильное тело, упругие мышцы живота и врождённая грация, словно видение, ворвались в его поле зрения, и он не мог отвести взгляд.

Не подделка.

Это Жун Цзю пришёл за ним.

Как же он его любит.

Глаза Цзинчжэ заблестели.

Как же сильно он его любит.

Он подбежал и, сделав несколько шагов, врезался в объятия Жун Цзю.

Как резвый щенок, он смело бросился вперёд.

Так импульсивно.

Совершенно не думая о том, что Жун Цзю может его оттолкнуть.

Он встал на цыпочки, обнял Жун Цзю за шею, не заметив, как две сильные руки обхватили его за талию, и очень серьёзно сказал:

— Жун Цзю, ты мне очень нравишься.

Нравишься до такой степени, что, даже зная, что ничего хорошего из этого не выйдет, он не хотел отпускать.

<http://bllate.org/book/16993/1585432>